мостоятельно, образуя тот или иной инициал.[66] Персонажи таких инициалов, за очень редким исключением, — простые горожане или крестьяне. Представлены они всегда в действии: на страницах евангелий, апостолов и других церковных книг они живут повседневной жизнью, многие из них заняты обыденными, житейскими, чем-то по-«мирски» примечательными делами. Один рисунок изображает человека, который свежует пойманного зверька (зайца?). Персонаж другого несет деревянное ведро, вероятно с медом или вином, так как во второй руке он держит кубок. Третий персонаж, с посохом в руке, трубит: возможно, это — бирюч, глашатый, созывающий горожан на вече.[67] Часто изображаются гусляры. Нарисованный в новгородском евангелии 1358 г. гусляр одновременно и играет на гуслях и пританцовывает: художник представил, по-видимому, скомороха и, увлеченный изображаемой сценкой, дополнил ее надписью со словами, обращенными к нарисованному гусляру-скомороху: «гуди гораздо», т. е. играй хорошо![68] Художник другой новгородской книги изобразил человека, опрокидывающего себе на голову банную шайку, а чтобы рисунок был правильно понят, и этот художник пояснил свое изображение надписью: «обливается водой».[69] Рисунок человека, обливающегося из шайки, придуман для инициала «Р» к тем же словам «Рече господь...», которыми начинаются многие евангельские тексты. Инициал находится в евангелии, написанном в 1355 г. «повелением архиепископа новгородского Моисея, рукою многогрешных Леонида и Георгия». В псалтири, которую в 1421 г. смоленская княгиня Ульяна, в иночестве Елена, дала в дар церкви Михаила Архангела, находится, в числе других украшений, известный рисунок, образующий инициал «М». Эта буква скомпанована в виде жанровой сценки, представляющей двух рыбаков, которые тянут невод, полный рыбы, и, как видно из надписей, перебраниваются между собой. «Потяни корвин сын», — сказано в одной надписи: это кричит рыбак слева. «Сам еси таков», — отвечает ему второй.[70] Инициал, изображающий двух рыбаков, понравился. Он был повторен в так называемом Боголюбовском евангелии 1544 г., причем художник этого евангелия заимствовал инициал не из смоленской псалтири, но из какой-то другой рукописи. Подобные рисунки развлекали и веселили, несомненно, и художника, и тех, кто заказывал украшенные ими книги. Сам тератологический орнамент носил в значительной мере гротескный характер. В нем «всякая естественная форма принимает вид чудовища, которое, однако, рассчитано не на то, чтобы пугать воображение, а на то, чтобы затейливостью группы... производить игривое впечатление», — говорил Ф. И. Буслаев.[71]

Примечательно, что никого из современников, даже деятелей церкви, не смущало, что такой орнамент и изображения забавных, подчас вольных сценок из повседневной, простонародной жизни стали обычным и излюбленным убранством богослужебных книг. Напротив, орнамент и рисунки нравились всем. Книги, украшенные ими, заказывали и приобретали люди самых различных слоев общества. Среди сохранившихся до наших дней церковных книг, украшенных тератологическим орнаментом и инициалами с рисунками человеческих фигур и жанровых сцен, есть такие, о которых

---

[66] А. Некрасов. Очерки из истории славянского орнамента. М., 1914.
[67] БАН, Рукописный отдел, Евангелие № 3; В. Стасов. Картины и композиции..., рис. 3, 8, 7.
[68] В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1886, табл. XVII, рис. 2.
[69] В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. XV, рис. 29.
[70] В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. XXI, рис. 5.
[71] Ф. Буслаев. Сочинения, т. III, Л., 1930, стр. 10.